

М. В. Еремина - Чащина

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова

Диалог с русской классикой в малой прозе С. Д. Кржижановского

Еремина-Чащина М. В. Диалог с російською класикою в малій прозі С. Д. Кржижанівського.

У статті досліджена конвергенція та творча трансформація гетерогенного та полікультурного матеріалу як яскрава стилізова риса інтелектуальної прози С. Д. Кржижанівського. На матеріалі текстів новел циклу «Неукушений локоть» (1927–1941) вивчено інтертекстуальний зв'язок письменника із російським контекстом: усною народною творчістю та літературою XVIII–XIX ст. Виявлено підвищений ігровий модус поезики автора, що дозволяє у модерністській константі його творчості віднайти риси формування передпостмодерністського комплексу.

Ключові слова: інтертекстуальність, літературна традиція, трансформація, ігровий модус.

Еремина-Чащина М. В. Диалог с русской классикой в малой прозе С. Д. Кржижановского.

В статье исследована конвергенция и творческая трансформация гетерогенного поликультурного материала как яркая стилевая черта интеллектуальной прозы С. Д. Кржижановского. На материале текстов новел цикла «Неукушенный локоть» (1927–1941) изучена интертекстуальная связь писателя с русским контекстом: устным народным творчеством и литературой XVIII–XIX вв. Выявлен повышенный игровой модус поэтики автора, позволяющий в модернистской константе его творчества обнаружить черты формирования предпостмодернистского комплекса.

Ключевые слова: интертекстуальность, литературная традиция, трансформация, игровой модус.

Yeromina-Chashchyna M. Dialogue with the Russian classics in small prose of S. Krzhizhanovsky.

The article is devoted to the investigation of the convergence and the creative transformation of heterogeneous multi-cultural material as a bright feature of the style of intellectual prose of S. Krzhizhanovsky. On material of texts of the short stories of the cycle "Neukushennyj lokot" (1927–1941) intertextual communication of the writer with the Russian context is studied: with folklore and literature of XVIII–XIX centuries. Increased game modus of poetics of the author, which allows to discover in the modernist constant of his work the features of formation of prepostmodern complex, is revealed.

Key words: intertextuality, literary tradition, transformation, game modus.

Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950) – один из ярчайших писателей русской литературы первой половины XX века. С. Гедройц называет Кржижановского «заживо погребенным автором» [3], А. В. Сеницкая – «мансардным гением» [10], а Г. Шенгели – «прозванным гением» [8], поскольку творчество писателя при жизни практически не публиковалось. Лишь с конца XX века, вместе с изданием произведений Кржижановского, начинается их активное научное осмысление. Весомый вклад здесь принадлежит работам М. Л. Гаспарова [2], И. Б. Делекторской [5], А. А. Манскова [9], В. Н. Топорова [11] и др.

Современные исследователи обращают внимание на эсхатологичность мышления, философичность и интеллектуальность прозы, неоднозначность стилевой принадлежности автора, сложность жанровой природы, игровую экспериментальную поэтику, насыщенную интертекстуальность. Проблеме интертекстуальности произведений Кржижановского посвящены работы И. Б. Делекторской, Е. О. Кузьминой, Е. В. Ливской, А. А. Манскова, Д. С. Московской,

В. Г. Перельмутера, Л. В. Подиной, А. В. Сеницкой и др. ученых.

Однако в основном ученые сосредотачивают внимание на интертекстуальном поле и связях художественного мира Кржижановского с зарубежными авторами и традициями, в частности – с Х. К. Андерсеном (С. Гедройц, С. А. Голубков); Й. В. фон Гете (А. Г. Гребенщикова); Э. Т. А. Гофманом (И. Б. Делекторская, Е. О. Кузьмина, Л. В. Подина); Данте (Е. О. Кузьмина, Е. В. Ливская); Г. Майринком (В. В. Калмыкова, П. В. Кузнецов, В. Г. Перельмутер); Э. А. По (И. Н. Васюченко, П. В. Кузнецов, В. Г. Перельмутер); Дж. Свифтом (И. Б. Делекторская, В. Г. Перельмутер, Л. В. Подина, А. Н. Шуберт); У. Шекспиром (И. Б. Делекторская, А. А. Мансков, В. Г. Перельмутер); Ф. Шиллером (И. Б. Делекторская).

К сожалению, менее исследованной остается интертекстуальная связь Кржижановского с русской классической литературой, выявление основных векторов которой на примере цикла новелл «Неукушенный локоть» (1927–1941) и является целью данного исследования.

Скрупулезный анализ текстов новелл позволил обнаружить, во-первых, апелляцию писателя к русскому фольклору и одновременную конвергенцию с литературной традицией. В текстах прослеживаются связи с былинным народно-поэтическим корпусом. Например, разрабатывая традиционный для многих культур сказочно-легендарный мотив окаменения человека, подчеркивая его распространенность, Кржижановский называет русскую былинку «Отчего перевелись богатыри на Святой Руси» в новелле «Гулливвер ищет работы» (1933). Данный мотив становится сюжетообразующим и, как и свифтианская традиция, гипертекстуальным: Гулливвер оцепеневает и превращается в гору не потому, что нарушает запрет – как известно, в былине семь богатырей, победивших татар в бою, окаменевают из-за упоминания «силы нездешней», – в новелле Кржижановского герой замирает в результате отсутствия самореализации в современном мире. Традиционный материал становится основой для индивидуально-авторского мифотворчества.

Новелла «Дымчатый бокал» (1939) также обнаруживает мотив, контаминирующий фольклорную и литературную традиции – это мотив неразменных червонцев.

В народных славянских сказках «неразменный рубль», «неразменный червонец» обладает чудесным свойством всегда возвращаться в карман своего владельца в нерастроченном виде, обеспечивая ему вечное богатство. Этот мотив нашел разработку в литературных сказках «Неразменный червонец» (1839) А. И. Иванецкого и «Неразменный рубль» (1894) Н. С. Лескова, и далее – в новелле Кржижановского – трансформируется и синтезируется с характерным для многих культур мотивом невыпиваемой чаши, в варианте писателя – невыпиваемого бокала, на дне которого сокрыта истина. Попытка героя новеллы решить непосильную задачу завершается катастрофой – самоубийством персонажа.

Малая проза Кржижановского обнаруживает мощную опору на русские пословицы и фразеологизмы – как оригинальные, так и измененные. Например, оригинальные встречаются в новелле «Когда рак свиснет» (1927) из сборника рассказов 1920-1940-х гг.: «авось до добра не доведет», «на авось и кобыла в дровни лягает», «авосью верь не вовсе» («авосью не вовсе верь»). Однако большинство пословиц представлено в трансформированном виде. В цикле «Неукушенный локоть» – все пословицы видоизменены. С одной стороны, они ориентированы на читательское узнавание, а с другой стороны, их авторские вариации способствуют усилению игрового модуса. При этом заметен принцип буквализации значения, который становится сюжетообразующим как для

отдельных новелл, так и для всего цикла в целом. Так, в новелле «Неукушенный локоть» (1927), название которой вынесено в заглавие цикла, находит сюжетную реализацию устойчивое выражение «кусать локти» и известная поговорка «близок (близко) локоть, да не укусишь». Герой, смыслом жизни которого становится невозможное – укунить себя за локоть, в результате терпит фиаско – предприняв последнюю попытку и прокусив руку, он погибает. Прорыв в недостижимое оборачивается трагедией, поскольку абсурдна сама псевдоцель.

Диалог с русской классикой формирует и апелляция Кржижановского к литературным произведениям XVIII в. (обнаруженное нами в новелле «Немая клавиатура» переосмысление Кржижановским в противоположном ключе строки державинской оды «На рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину» (1798): *«Живи и жить давай другим <...>»* [1:169], у Кржижановского звучит как: *«Ты умер, дай умереть другим»* [6:169]).

Однако наиболее мощный интертекстуальный пласт Кржижановского формирует творчество писателей Золотого века. Интертекстуальное поле рассматриваемого цикла обнаруживает отсылки и переключки с произведениями А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, А. И. Иванецкого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова и др. Прямых отсылок не так уж и много (упоминание Одоевского в новелле «Немая клавиатура» (1939)). Доминируют же скрытые цитаты, аллюзии и реминисценции (пушкинские строки из «Евгения Онегина» (1825): *«И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / Еще неясно различал»* [7:53], а также элементы из «Горе от ума» (1824) А. С. Грибоедова и произведений других писателей). Встречаются переключки сюжетных ходов (новелла «Бумага теряет терпение» и рассказ А. П. Чехова «Два газетчика» (1885): суицидальный финал как результат писательской несостоятельности и внутренней опустошенности, выступающий лишь поводом для газетной сенсации).

Знаковой фигурой для Кржижановского становится Гоголь, поскольку во всей книге новелл скрытые и явные отсылки именно к его творчеству отличаются наибольшей частотностью. В текстах представлены все вышеперечисленные элементы интертекстуальности. Так, к примеру, в новелле «Серый фетр» (1927) можем увидеть скрытую цитату из «Невского проспекта» (1834): *«Он снял с головы свой порядком просаленный картуз, сунул его в карман и надел поверх пружинно-упругих черных волос серую франтоватую городскую шляпу»* [6:131]. Сравним у Гоголя: *«В это время, что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы*

воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстука, – никто этого не заметит» [4:8]. У Гоголя простонародный картуз противопоставляется изысканной шляпе. В новелле Кржижановского «Серый фетр» парень из деревни по имени Манко надевает шляпу своего покойного дяди, жившего в городе, и сразу же преобразается: закидывает голову и весело посвистывает. В обоих случаях иронично осмыслены претензии «шляпообладателей».

Продуктивной оказывается и гоголевская модель изображения публики посредством выразительной синекдохи, в частности вестиментарного кода «Невского проспекта» и его творческого переосмысления в новелле Кржижановского «Ганс и Фриц» (1938), где пестрое общество представляют «длинные сапоги со шпорами, и дамские туфли с вздернутыми носиками, и солидные штiblеты, полуботинки желтой и черной кожи и маленькие детские башмачки» [6:18]. В этой же новелле очевидна переключка и с «Носом» Гоголя (1833): *«Иду я по улице <...>. И вдруг навстречу — моя правая нога. В узком лакированном сапоге, из-под кожаного воротника вместо головы — коленная чашка и два черных уха, высунувшиеся из сапога. Идет прямо на меня. И вдруг как топнет, как звякнет шпорой об асфальт: «Ты почему чести не отдаешь?» Тут только я понял, что у нее чин, а я...»* [6:12]. Возможно, неслучайной является и переключка образов данной новеллы Кржижановского и капитана Копейкина из «Мертвых душ» (1842): в результате военных действий герои утратили ногу, ведут нищенское существование, которое вынуждает их искать выход из создавшегося положения.

В новелле «Моя партия с королем великанов» (1933) отсылка к Гоголю, в частности к «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1847), реализуется посредством тафофобии героя – боязни быть похороненным заживо.

Рискнем высказать предположение, что высокая частотность апелляции в текстах писателя XX в. именно к произведениям Гоголя обусловлена творческим продлением и переосмыслением Кржижановским гоголевской традиции – гротескным изображением действительности, тесным переплетением фантастики и реальности, всепроникающей авторской иронией. Однако Кржижановский, в отличие от писателя XIX в., доводит эти черты до предела и создает абсурдистскую модель дисгармоничного мира, как правило, приводящую к катастрофе.

Среди писателей Серебряного века в данном цикле нами обнаружены переключки с «Иудой Искаримом» Л. Андреева (1907) и «Восстанием машин» В. Я. Брюсова (1908). Но если в повести Андреева ключевой фигурой становится предатель,

выдавший Иисуса первосвященникам за 30 сребреников, то для Кржижановского сами деньги представляют мировое зло. Интертекст с В. Я. Брюсовым очевиден в новелле «Мишени наступают» (1927). Сюжет о бунте вещей и машин довольно типичен для литературы той эпохи. Разработан он и в рассказе Брюсова, а позднее находит творческую разработку и продление в произведении Кржижановского, где ожившие деревянные мишени для практики стрельбы солдатами идут в бой со всем человечеством.

В процессе исследования новелл цикла «Неукушенный локоть» также были обнаружены интертекстуальные связи с фантастическими произведениями А. Р. Беляева («Вечный хлеб» (1928)), ранними произведениями М. А. Булгакова («Записки юного врача» (1925–1926)) и других писателей, что является перспективной темой отдельного исследования.

Выводы

Синтез, пересечение и творческая трансформация многих мировых традиций – яркая стилевая черта интеллектуальной прозы Кржижановского. Как правило, в текстах писателя наблюдается сплав и одновременная конвергенция гетерогенного поликультурного материала, в котором не последнюю роль играет диалог с русским контекстом: устным народным творчеством и литературой. Анализ цикла новелл «Неукушенный локоть» позволил обнаружить эксплицитные и имплицитные отсылки и переключки с произведениями русских писателей XVIII (Державин) и XIX (Пушкин, Одоевский, Иваницкий, Лесков, Чехов и др.) вв. По частотности и разнообразию форм апелляции знаковым для прозы Кржижановского выступает творчество Гоголя. Переплаывая гоголевскую традицию соединения фантастики и реальности, гротескности изображения, всепроникающей авторской иронии, Кржижановский творчески продлевает ее в собственной индивидуально-авторской художественной модели. Доминирующими принципами апелляции к классике, помимо продления и конвергенции, становятся трансформирование, нередко обыгрывание с противоположным знаком, переворачивание (поговорок, фразеологизмов, цитат, мотивов) для создания авторского мифа о современном мире, не лишенном черт абсурдности. Все это, а также насыщенная интертекстуальность, повышенный игровой модус поэтики Кржижановского, в том числе в цикле «Неукушенный локоть», позволяет в модернистской константе его творчества обнаружить черты формирования предпостмодернистского комплекса.

Литература

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд, доп. – М.: Худож. лит., 1988. – 528 с.
2. Гаспаров М. Л. Мир Сигизмунда Кржижановского / М. Л. Гаспаров // Октябрь: независимый литературно-худож. журнал. – М., 1990. – № 3. – С. 201–203.
3. Гедройц С. Юрий Буйда. Город Палачей. Сигизмунд Кржижановский. Собрание сочинений в 5 томах. Том третий [Электронный ресурс] / С. Гедройц // Звезда: литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал. – СПб., 2003. – № 6. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/6/ged.html>.
4. Гоголь Н. В. Петербургские повести / Н. В. Гоголь. – Хабаровск: Кн. изд., 1984. – 192 с.
5. Делекторская И. Б. Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского (от шекспироведения до философии искусства): дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 / Делекторская Иоанна Борисовна. – М., 2000. – 159 с.
6. Кржижановский С. Д. Неукушенный локоть. Собрание сочинений. Т. 3 / С. Д. Кржижановский // Сост. и комм. В. Перельмутера. – СПб.: «Симпозиум», 2003. – 673 с.
7. Кубасов А. В. Дискурс смерти в рассказе С. Д. Кржижановского «Дымчатый бокал» / А. В. Кубасов // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков. Направления и течения. – Екатеринбург, 2012. – № 1. – С. 52–61.
8. Ливская Е. В. Философско-эстетические искания в прозе С. Д. Кржижановского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ливская Евгения Валентиновна. – Калуга, 2009. – 22 с.
9. Мансков А. А. Интертекстуальность прозы С. Д. Кржижановского: монография / А. А. Мансков // М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Алтайская гос. пед. акад.». – Барнаул: Алтайская гос. пед. акад., 2013. – 225 с.
10. Синицкая А. В. Пространственность и метафорический сюжет (на материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова): дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 08 / Синицкая Анна Владимировна. – Самара, 2004. – 202 с.
11. Топоров В. Н. «Минус»-пространство Кржижановского / В. Н. Топоров. // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 476–575.